

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/> (дата обращения: 17.02.2019).

5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/migratsiya/statisticheskie-izdaniya/> (дата обращения: 17.02.2019).

6. Морова А.П. Модель социальной политики в Республике Беларусь: генезис и законодательное обеспечение [Электронный ресурс] // Социология. 2012. № 1. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/43489/1/64-76.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).

7. Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества : материалы науч.-практ. конф., Москва, 1 дек. 2008 г. М., 2009. С. 3–11.

УДК 340.1

В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ОБОСТРЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ДОЛЖНО БЫТЬ ПРАВОМ ЗАЩИТЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОЙ И ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Как можно в контексте фундаментальных социальных перемен, протекающих под ключевыми знаками глобального неолиберализма, и углубляющейся пропасти относительного обнищания большинства населения, в условиях роста неонацизма, расизма, антисемитизма, авторитаризма, межгрупповой враждебности обеспечить ответственную свободу всех и каждого без применения инструментария уголовного закона? Это не праздный вопрос, поскольку современная преступность демонстрирует серьезные вызовы социальным системам жизнеобеспечения и безопасности человека.

Это философский вопрос о смысле права и уголовного в частности, а может быть вообще уголовного права, которое по чьей-то воле превратилось и продолжает превращаться в непосильное универсальное средство правового регулирования и правовой защиты правоохраняемых известных и неизвестных, важных и неважных для простого человека интересов. Уголовно-правовая наука не дает даже относительно оптимального решения указанных проблем, основываясь исключительно на догматическом и социально запретном уголовном объяснении преступ-

ления как деяния, общественно опасного и исходящего исключительно от человека. В таком же ракурсе понимается и наказание, следующее с необходимостью и неотвратимостью за преступлением.

Вследствие этого человеческое сообщество, как никогда прежде, утратило возможность обеспечивать и контролировать действительную реальность коммуникативной интеграции права в систему уголовно-правовых средств обеспечения социальной безопасности и достойного существования людей. Между тем актуализация этой возможности должна стать основным фактором прогрессивного и безопасного развития человека (человечества), в том числе и формирования безопасного уголовного права. В связи с чем не случайны и вполне оправданы попытки философского пересмотра гносеологических и онтологических позиций уголовного права и на этой основе интегрирования правовых позиций (интересов) человека в систему криминализации и пенализации [1]. Это и есть основная задача философского переосмысления, казалось бы, давно известных и понятных социальных институций, какими являются преступление и наказание. Добавим, всегда понятных и удобных только для монополю власть держащих и поэтому экспериментирующих на преступлении и наказании исходя исключительно из догматического позитивизма – в отрыве от человека и его интереса в преступлении и наказании. Между тем человек и только человек является социализированной роженицей как собственного преступления и наказания, так объектом защиты от собственного преступления и наказания. И не учитывать этот философский смысл в исследовании того, что должно быть преступным (преступлением) и каким должно быть наказание, уже невозможно и небезопасно. Мы вступаем (уже вступили) в иной мир цивилизационной оценки и человеческого измерения происходящего с нами и вокруг нас.

В состоянии растерянности находится и официальная уголовная политика. Она все более демонстрирует свою неэффективность в отношении как традиционных, давно известных преступлений, так и преступлений, порождаемых социальным несовершенством и продолжаемым до бесконечности неравенством человеческого бытия, а также нежеланием или неспособностью экономически и политически господствующих элит что-либо менять в этом отношении.

Нередко можно слышать, что нет такого общества, которое бы исключало неравенство людей: деление на бедных и богатых изначально предопределено законами социального общежития людей. На почве социальной несправедливости и лукавого ее объяснения экономическими трудностями развития бедность определенной части населения (граждан) неизбежно воспринимается как норма. «Трудно в таком слу-

чае, – отмечает И.Я. Козаченко, – дать ответ на вопрос, чего здесь больше, лицемерного лукавства или исключительного цинизма? <...> Ясно только одно – кому-то указанное равенство невыгодно, а потому и бьются за него не на жизнь, а на смерть различного рода идеологи, политики, демагоги и чиновники самого различного масштаба и значення» [2, с. 7].

А вот как относятся к философскому переосмыслению бытия уголовного права наши коллеги – специалисты в области уголовного права. «Смещая акценты с формального догматизма в пространные рассуждения о бытии уголовного права, невольно ловишь себя на мысли о том, как сделать так, чтобы справедливость была всегда, везде и во всем? Наверное, с философской точки зрения проблему данную поставить можно, но разрешить – вряд ли удастся» [3, с. 140]. Конечно, философия вообще, как и философия уголовного права, не может сама по себе обеспечить справедливость человеческого бытия, как и бытия уголовного права по отношению к человеку. Это могут сделать только люди, сообщество людей на договорной или публично-правовой (конституционной) основе. Именно поэтому философия уголовного права – это всего лишь система мировоззренческих установок в сохранении безопасного для человека и человечества ценностно-содержательного функционирования уголовного права на основе приоритета общих правоохраняемых интересов человека на достойное и безопасное сосуществование. Такой подход не является малопродуктивным для решения актуальных, очевидно кризисных уголовно-правовых проблем, связанных, например, с низкой эффективностью предотвращения социальных конфликтов посредством инструментария уголовного права.

Да, философия уголовного права не предлагает и не должна предлагать никаких новых моделей для уголовного права в решении социальных конфликтов. Она лишь на мировоззренческом и методологическом уровне убеждает, что уголовное право – это не всеобщий метод, равно как и не основное средство разрешения социальных конфликтов и противоречий, а также восстановления социальной справедливости, в том числе и по отношению к жертвам преступлений. Более того, уголовное право даже не основное средство предупреждения преступности, равно как устранения или нейтрализации общих и конкретных причин сохраняющегося воспроизводства преступности. Только философская рефлексия способна сегодня изменить ориентационно и содержательно уголовно-правовую материальность преступления и наказания и применять эти институты в исключительных случаях и в общечеловеческих интересах. Философский метод, не имея границ в познании материальности человеческого бытия, только потому и способен адекватно

обозначить пределы материальной и функциональной истинности уголовного права и его основных правовых понятий – преступления и наказания.

Вот самый простой пример философской рефлексии на преступление и наказание: почему мы, устанавливая и применяя публичную ответственность за несвоевременную выплату зарплаты, ничего не меняем с положением и ответственностью тех, кто так «эффективно» управляет этим незарабатыванием и социально несправедливо при этом зарабатывает на таком управлении, и относительно немало.

Социальное неравенство людей, как результат чьей-то злой воли, всегда и без каких-либо оговорок должно признаваться несправедливым, а потому и опасным явлением (если хотите, своего рода обобщенным уголовно-правовым деянием). На фоне социального неравенства происходят производные и не менее опасные явления. Происходит коммерциализация самых массовых и самых чувствительных сфер жизнедеятельности людей – образования и медицины, усиливается жестокость и организованность преступности, психологически устойчиво, несмотря на принимаемые жесткие меры, процветают пьянство, токсикомания и наркомания, суицид, а равно современный социальный и политический экстремизм и терроризм, наконец, коррупция и связанная с ней многоликая экономическая и неэкономическая преступность. Все это удел социального несправедливого неравенства.

Одним из главных факторов современной преступности сегодня является ее коррупциогенный фон. Проявляется он, с одной стороны, в рукотворном несовершенстве системы публичного жизнеобеспечения основной массы населения, а с другой – осознанием этого обстоятельства все большим числом людей (как управляющими, так управляемыми), которые желают жить в этих условиях лучше, чем предполагается действующей публичной системой зарабатывания. Вот в этом моменте заключается сегодня вся современная систематика криминологии преступности и обусловленная этим неустойчивость и неэффективность уголовного права.

Очень интересные мысли криминологического и философского характера были высказаны по этому поводу Председателем Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало в печатной версии о деталях его общения с Президентом. Они вопросительно загадочны, но понятны. Касаясь борьбы с коррупцией, он обращает внимание на следующие моменты: «И в структуре преступности оно [количество коррупционных преступлений] занимает все более обостренное и опасное место. <...> Рассматриваем значительное количество дел, в том числе по различным системам и отраслям, но меня беспокоит то, что мы вно-

сим частные определения в необходимых случаях, но не исследуем глубинные процессы коррупции. <...> Мы видим, что даже самые жесткие меры наказания не останавливают коррупционеров. В чем же тогда реальная причина? <...> Может, есть какие-то причины на подсознании? В чем криминология такого явления в нашей стране, как коррупция. <...> Главное, ведь не только осудить, а все делать для того, чтобы остановить. Может, здесь есть универсальный принцип? Мы не думаем об этом. <...> Может, излишнее администрирование, которое тоже является одной из причин коррупции? <...> Может быть, коррупция, связанная с изменением формы собственности, связанная с приватизацией, может, здесь есть причины, которые нам нужно выяснять и устранять. Говорить, что вся проблема в антикоррупционных комиссиях, – наверное, упрощенный подход. Преступления совершают и члены этих комиссий, и даже председатели. <...> Есть более глубинные причины, о которых мы до конца не знаем» [4, с. 3].

Да, есть более глубинные причины современного воспроизводства преступности. Однако современный социально-нравственный «камертон» использования позитивного права явно недостаточен для того, чтобы остановить действие этих причин. Вследствие этого уголовный закон, как отмечает известный российский криминолог И.Я. Козаченко, настроен не на преодоление глубинных причин воспроизводства социальной несправедливости и, следовательно, преступности, а всего лишь на устранение поверхностных экономических и социальных ее колебаний либо напряжения политического характера. Общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей и провоцируют их на совершение недозволенного [5, с. 6–7].

Официально возведенное в закон право призвано определять правомерное поведение людей. Однако следует иметь в виду, что закон – это всегда производная от права форма его выражения, и поэтому его всегда недостаточно для понимания действительного права, возможно, и выраженного в законе [6, с. 175]. Более того, право как определитель правомерного поведения не требует позитивного нормативного закрепления, оно в этом случае проявляется как таковое непосредственно в поведении людей. Социального контроля посредством позитивного нормирования государством такого поведения, как правило, не требуется.

Мы разделяем базовую криминологическую позицию о том, что позитивное право (законы и иные нормативные регуляции, исходящие от государства) является основным правоустанавливающим (правоорганизующим) и одновременно правооправдывающим средством соци-

ального публичного контроля (самоконтроля) государства в целях недопущения, нейтрализации и предупреждения социально нежелательных и социально опасных конфликтов.

Правомерность, как и противоправность, проявляется через конфликты (споры и деликты) участников общественных отношений. Именно в предупреждении и справедливом разрешении конфликтных ситуаций и состоит назначение права и создаваемых на его осмыслении нормативных регуляций (законов). Для того чтобы сохранять мир и спокойствие в современных обществах и обеспечивать человеческий прогресс, необходим ответственный социально-правовой контроль. И не только со стороны институтов публичной власти в отношении гражданского общества (граждан), но и в отношении институтов публичной власти. И не только в контексте предупреждения социально опасного поведения, но и в оценке того, что опасно для социальной системы и какая санкция и мера защиты должны быть приняты для сохранения общественного спокойствия.

Поскольку право перед каждым из нас предстает как своеобразная граница свободы, формализованного равенства и требований социальной справедливости, всего этого было бы достаточно для исходной характеристики сути организации социально-правового контроля, по крайней мере преступности и иных откровенно вредных (нежелательных) для общества социальных девиаций, если бы не одно обстоятельство. В нем нет указания на существеннейший принцип правового общения – на взаимную уравновешиваемую и сбалансированную ответственность тех, кто осуществляет этот контроль, и тех, кто ограничивается в свободе и праве вследствие контроля. Если право есть справедливость, как отмечает В.Г. Графский, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости [7, с. 24]. Вот такую ситуацию разбалансированности ответственности в уголовном праве мы наблюдаем сегодня.

И в этой ситуации избирается самая простая и безопасная для самого государства (до определенного предела безопасная) форма (традиционная форма) социально-правового контроля за нежелательными социальными девиациями – их криминализация на уровне публичных правонарушений и установление санкций-наказаний, а также мер безопасности в целях непосредственной защиты от преступных посягательств или их пресечения. В принципе, в этом нет ничего предосудительного, если это делается ради сохранения жизни и здоровья людей и общественных основ безопасности. Однако все чаще можно наблюдать, как государства отходят от соблюдения этих уравновешивающих правовых требований.

Только человеческое измерение цивилизационно изменяло социальную картину мира, равно как и социальное содержание позитивного уголовного права и характер его реакции на преступность. Оно (человеческое измерение) должно формировать и контролировать позитивное уголовное право, поскольку для человека имеют значение не нормы сами по себе, а те ценности, которые посредством норм позитивного права закрепляются, реализуются, отражаются и защищаются. Другое дело, что человеческое измерение на национальных уровнях пока нефункционально, не имеет системно организованных, независимых институций на просторах гражданского общества и публичной власти.

В правовых системах защиты человека в последние годы складывается парадоксальная ситуация: на фоне информационного бума трансформационных процессов, заполонивших все сферы социальной деятельности и, несомненно, меняющих облик их правового восприятия и публичной правовой реакции, все больше и больше уходят в сторону, давно, казалось бы, общепринятые и провозглашенные интересы обычных людей.

Главной же проблемой всего комплекса законодательства в области противодействия преступности являются наметившиеся и постоянно обостряющиеся проблемы, вызываемые инфляцией (избыточностью) уголовно-правовой защиты, кризисом наказаний, монополизмом публичных видов ответственности в разрешении далеко не всегда публичных социальных конфликтов и проблем. Как следствие, наблюдается недостаточный уровень интеграции правовых начал, более того, их снижение в правообразовании, правоприменении и практиках деятельности органов уголовной юстиции в реализации правовых стандартов в уголовной политике. Уголовная юстиция (здесь и далее имеется в виду и административно-деликтная юстиция) с ее санкционными механизмами воздействия на пенальную систему (преступность) становится небезопасной для человека, общества и самого государства. Уголовное право действительно находится в состоянии растерянности, можно сказать, социальной неопределенности его задач и содержательного наполнения. Если самая важная и фундаментальная функция уголовного закона не правоприменительная, а правозащитная и если к тому же защиту человека и общества не ограничивать обеспечением буквально выраженных на законодательном уровне запретов, то становится очевидным необходимость изменения социальной парадигмы применения институций уголовного права – преступления и наказания [8, с. 7–8].

Демонстрируемый отечественной доктриной догматический позитивизм в оценке преступления и наказания, позиционирующий при-

оритет человека только через призму сложного и трудно воспринимаемого механизма приоритетов государства, уже не срабатывает, в том числе в практиках осуществления судебно-уголовной политики. Как заявил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, принимая Председателя Верховного Суда, справедливость и ее обеспечение – вот, что главное, прежде всего для правосудия. «Люди наши особенные, они очень чувствительные» [4, с. 2].

Не надо задаваться риторическим вопросом, есть ли сегодня настоятельная потребность в философском переосмыслении функциональных и содержательных возможностей уголовного права. Есть! И это не модный штамп, как утверждают сторонники незыблемости методологии юридического позитивизма [3, с. 140]. Современная философия многогранна в своем объяснении современного мира и пребывания в нем человека, но она не претендовала никогда и не претендует сейчас выступать в качестве «уголовно-философского» средства. Вот это непонятный штамп (уголовно-правовые средства) и одновременно тайна для правовой науки и практики, и в это, действительно, не может проникнуть ни философия, ни классическая наука уголовного права.

Обращение к философии права – это всего лишь и не более как возрождение философского знания в качестве материальной и методологической основы для необходимой переоценки и изменения содержательной и функциональной направленности уголовного права в противодействии преступности. Философия права не отвергает юридический позитивизм, а обращает внимание на его ограниченность и недостаточность, поскольку он определяет истинность права (уголовного права) с позиции силы права (права принуждения), с позиции догмы нормы закона в ущерб реальному праву. И тем самым вольно или невольно блокирует личный и общий интерес человека в системе регулятивного и охранительного функционирования права. Нет ничего опасного в том, что философия уголовного права предлагает ради сохранения уголовного права сместить крен его познания и применения с позиции преступления как деяния на интересы человека как деятеля преступления. Такая модель понимания уголовного права и его применения будет приемлема и понятна не только для государства и его институтов, но и для человека и человеческого сообщества. Самое главное, она будет более эффективной.

1. Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М. : Норма, 2019. 424 с.

2. Козаченко И.Я. Ошибка: понятие, свойства, виды. Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2019. 12 с.

3. Моисеева И.А., В.В. Хилюта. Философия и уголовное право: постановка вопроса // Тенденции развития юридической науки и практики совершенствования правовых ин-

ституты в условиях формирования инновационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1 / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2019. С. 139–143.

4. Сукало В.О. По закону и справедливости. Разговор у Президента // Беларусь сегодня. 2019. № 38. С. 1–4.

5. Козаченко И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности. Екатеринбург : Изд. дом УрГЮУ, 2017. 15 с.

6. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юрист, 2006. 478 с.

7. Графский В.Г. О непреодолённых трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 19–24.

8. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журн. рос. права. 2017. № 7. С. 5–18.

УДК 343.241

А.В. Шидловский, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по учебно-воспитательной работе юридического факультета Белорусского государственного университета

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РАНЖИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ

Уголовное право главным образом отражает основные ценности в существующем обществе и политические интересы государства. Уголовно-правовые средства используются в любом государстве как инструмент принуждения посредством угрозы применения наказания за наиболее опасные виды поведения.

В основе ранжирования видов наказания за нарушения охраняемых государством благ отражается признаваемая тем или иным обществом иерархия ценностей, выстраиваемая по степени их приоритета и значимости.

В современном учении о наказании, в том числе о пенитенциарном праве, одно из центральных мест необходимо отвести разработке аксиологической и антропологической методологиям с учетом влияния конструктивистского и иных новых мировоззренческих подходов. Сегодня не вызывает сомнений, что важнейшими критериями дифференциации уголовной наказуемости за преступные посяательства выступают духовные ценности.

Следует признать наличие в настоящее время определенного кризиса в доминирующем в отечественной юридической науке до сих пор одностороннем материалистическом мировоззрении. Взгляд на систематику морально-нравственных ценностей, отличных от светского общества, несомненно, позволит обогатить методологические ориентиры развития отечественного уголовного права.

Ряд направлений преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции в аспекте потребности Республики Беларусь выдвигает в своих исследованиях белорусский ученый С.А. Калинин, доказывая, что в успешном преодолении современного глобального кризиса следует считать мир-системный анализ, мировоззренческую исследовательскую программу, субъектный подход и пространственное измерение (геоизмерение) государства и права [1, 2]. Речь идет о конструктивистском и иных мировоззренческих подходах, позволяющих по-иному системно осмыслить создаваемые государством уголовно-правовые модели охраны наиболее важных для общества ценностей.

Ранжирование ценностей в отечественном уголовном законодательстве традиционно проводилось по группам общественных отношений, подлежащих охране в приоритетном порядке. Во всех цивилизациях наказуемость распределялась в уголовно-правовых нормах в зависимости от значимости или степени важности той или иной ценности. Однако история показывает, что общество по-разному подходило к оценке одних и тех же ценностей и, как следствие, к правовой охране за их нарушение.

Следует отметить, что применение наказания к виновному в преступлении не является самоцелью, оно в большей мере обусловлено защитой и восстановлением нарушенной ценности, признаваемой в том или ином обществе. Для белорусского общества и государства, на наш взгляд, это та шкала ценностей, которая соизмеряется с христианским концептом.

Социальная природа наказания раскрывается в том, какие ценности оно охраняет и за нарушение каких ценностей оно назначается. В этой связи, полагаем, будет интересным остановиться на подходах к ранжированию наказаний по шкале ценностей, признаваемой каноническим правом в римско-католической традиции. По нашему мнению, это один из лучших примеров формирования прочной мировоззренческой базы в направлении развития уже известных современной национальной юридической науке и праву методологий.

Рассмотрим христианские ценности как первоисточник ранжирования наказаний и их воплощение в современной уголовно-правовой идее.

В христианстве человек является творением Божиим, а потому основной частью человеческого достоинства является его свободная воля, позволяющая выбирать между добром и злом. Христианское учение призывает уважать человеческое достоинство, признавая свободу воли человека даром Божиим. В христианском учении преступник не только остается нашим ближним, но и является человеком, который имеет свое достоинство: грешника люби, а грех ненавидь. Совершение чело-